

Настя Звягинцева была хорошей девочкой. Она хорошо училась в школе. Но уже со школьных лет она узнала о себе пару нехороших вещей.

Она была какая-то начинающая гипнотизёрша. Обе бабушки – и мама папы, и мама мамы – жили в деревнях и умели «зубы заговаривать». Но внучка их быстро раскусила, зубы они заговаривали! Настя не дуручка была: смотрела фильмы про Гарри Поттера и «Сумерки» – ведьмами, вампирами и всякими оборотнями её было не удивить.

Но бабушки её удивили – ничего ей не рассказали, когда она честно им призналась, что она может ребятам «зубы заговаривать» и мозги пудрить. Бабушки не признались в том, что они настоящие колдуньи, ведьмы, и ничему её не научили, обе усмехнулись и сказали почти одинаково: «Придет еще твоё время, внучка. Тогда и поговорим».

Ага, как же, поговорили они. Ладно, хоть у неё ума хватило не рассказывать подругам про свои выкрутасы.

Очень скоро Настя поняла и другую свою нехорошую черту: она могла продать что угодно кому угодно, с выгодой для себя, естественно. И точно это ей «гипноз» помогал! Потому что она ухитрялась впарить дальним знакомым совершенную чепуху за скромную, но всё равно, плату. Друзей и подруг она на деньги не разводила, еще чего! И родителям ничего не рассказывала о своем умении торговать – они бы не поняли: папа работал в больнице терапевтом, а мама учителем английского языка в школе.

С английским у Насти всё было отлично. Она была умница, почти красавица, блондинка и спортсменка.

С этим дурацким спортом папа ей удружил – было у него увлечение, и сам поддерживал себя в здоровом теле, не курил, занимался спортом, и Настю заставил заниматься самбо. В детстве она пыталась сопротивляться, но папа ей просто сказал: «Какие танцы? Встретишь хулигана, что, танцевать с ним будешь?»

Мама строго следила за её занятиями – поддерживала спокойное отношение к этой физкультуре, да и сама Настя не горела на всяких соревнованиях, копила победы, получила свой второй юношеский разряд за шесть лет, и ей хватило.

После школы она легко поступила в Педагогический университет на факультет иностранных языков. Работать учителем она не хотела, а вот «Лингвистика» и программа специалитета «Перевод и переводоведение» ей были понятны и ближе – со знанием английского языка можно жизнь устроить.

«Пошла, нафиг учиться, дура такая!» – счастливо промурлыкала Настенька, когда узнала точно, что поступила.

Она обожала Машеньку, знала из этого мультика гору всяких дурацких фраз. Да у неё даже коллекция красных маек была!

Был у неё такой бзик – каждая девочка имеет право на свою изюминку, на свою родинку на теле «не покажу где», на свою прибайбасинку и на свою особенную и неповторимую индивидуальность. Настя не была хулиганкой, но была как кошка – могла немного пошалить.

На лето Настя планировала хорошо повеселиться, пока родители проводят неделю в отпуске – они второй раз собирались слетать на Кипр. Но у папы случилась какая-то неприятность на работе и отпуск ему накрыли тазиком.

Настя не особо возмущалась: полететь с мамой на Кипр? Почему нет? На неделю всего. Прикольно.

На Кипре ей не всё понравилось. Жарко в августе очень. Номер без вай-фая – дикость какая! Но зато на пляжах есть вайфай бесплатный. Ладно, хоть номер достался с окнами на море, а не на дорогу. Расстояние до пляжа полкилометра, минут семь идти – вниз весело, а вот подниматься потом – фу.

Пляж сразу понравился: очень чистый, песок мелкий, бархатный, всех оттенков светлого до золотого, без ракушек. Вода прозрачная. Сам пляж не большой, но много лежаков с зонтиками, есть без зонтиков, можно и просто на песочке расположиться. Зонтики и лежаки платные были – пять евро за всё, хотя в описании отеля написано, что бесплатно. Еду при отеле она не пробовала ещё, мама сразу сказала, что сама будет готовить. Йогурт и оливки расхваливала, а остальное – всё как обычно.

Мама сразу предупредила: они приедут в спокойное место, вечерами на пляже не будет дискотек. Какие дискотеки? Настя не увлекалась тусовками. Поглупить, поболтать на английском с туристами она и днём сможет, Кипр был компактным островом – всё рядом.

На второй день, утром Настя позавтракала йогуртом – отличный был йогурт на Кипре, тот самый, отведав ложечку которого так и хочется облизнуться и, предвкушая очередную ложечку вкусности, негромко мурлыкнуть: «Ё-гур-р-рт». Покушала и пошла на пляж. Покупалась, прилегла на шезлонг под зонтик и уснула.

И проснулась она совсем не на Кипре.

Сначала она подумала, что это какая-то акция для русской туристки: с пляжа убрали все зонтики, лежаки и совсем всё убрали – только море, только песок и зелень на холме.

И тишина.

И чистота – впрочем, на этом пляже и вчера было чисто, всегда было чисто.

Но потом она поняла, что никакой дороги наверх к отелю нет! Нет ступенек, нет перил, ничего нет, даже тропки нет никакой, Звягинцева оказалась непонятно где, хотя – ещё раз оглядевшись по сторонам, быстро вспомнила пейзаж – это был ей знакомый пляж! Но так же точно Настя начинала понимать и то, что это был вовсе никакой и не пляж. Это было место у моря, просто место у моря, а не пляж.

И вот тогда она запаниковала. Ничего себе дела – в одной майке и синих шортах очнуться на песке в полном одиночестве и непонятно как! И нет никакого намека на этот городок дурацкий – Протарас, «про Тараса», название ей сразу показалось смешным. Сейчас ей было не до смеха. Она замерла и присела на корточки там, где вскочила с песка, когда проснулась. Оглядывалась по сторонам, и всё ждала, что вот сейчас появятся люди, и всё окажется странным розыгрышем, и мама...

И тогда Настю накрыло с новой силой. Потому что она вдруг ясно осознала: не будет так, как прежде, и не будет никаких ни мамы, ни папы.

Словно в мозгах что-то окатило холодной чистой водой, словно несильным, но плотным потоком воздуха смахнуло пыль с мозга – Настя помотала головой, но ощущение какой-то неестественной ясности в голове не проходило. И эта ясность была противна, ужасна, как прикосновение к холодной коже змеи.

«Мамочка, я попала», – сообразила один вариант фантастической ситуации Настя.

Верить в такое не хотелось, и она с удовольствием не поверила и, вскочив на ноги, решительным шагом прошла по пляжу, высматривая хоть какой-нибудь кусочек бумаги или обёртки, хоть обрывок, хоть банку пивную пустую – ничего!

Но она не могла ошибиться – не могла она оказаться в такой заднице, зачем ей такое – она в универ должна этой осенью пойти, она на работу хотела устроиться, и картошку эту проклятую: кто поможет своим выкапывать и собирать? Зачем они с мамой полетели на этот Кипр проклятый? Не мог отец – так и не надо было ничего экономить, сдали бы путевки и всё.

Настя бродила по пляжу, и смотрела на мир как бы двумя зрением: она одновременно не верила в это всё и видела мир нормальный, пыталась найти его признаки, ну хоть какой-нибудь мусор. И вместе с тем ей было понятно, на каком то глубинном, воющем от животного страха уровне понятно: это не её место – всё здесь новое и незнакомое, и ничего старого она не может встретить – бесполезно метаться!

Но уйти с этого маленького пляжа, который казался неуловимо знакомым, ей было страшно – нельзя. Никак нельзя, ведь если она сдастся, и поднимется на холм, она там такое может увидеть... точно не Протарас, Тарас там и близко не ночевал.

В итоге она устала. Усталость накатилась внезапно, и Настя опять присела, но теперь она себя чувствовала опустошенной, и кушать захотелось жутко! Вот уж дикость несуразная какая. Ничего. Ничего не было под рукой.

И Настя громко расхохоталась: «Масяня!» И всё на этом. И не надо лишних слов: в дурацкой красной майке, не скрывающей животик, в шортиках – и всё! И тишина. И ничего ей уже не хотелось делать.

«Сдохнет Масяня на улице. Э-э-х!»